

ВВЕДЕНИЕ

Мы весьма посредственно, а зачастую откровенно слабо представляем себе историю нашей страны, в том числе и относительно недавние события, от которых нас отделяют не века, а всего лишь десятилетия.

Существует, например, устойчивый стереотип: американский солдат воюет за деньги, советский или российский — исключительно «за идею». Между тем, вопреки общераспространенному мнению, в СССР в годы Великой Отечественной войны была создана достаточно сложная система денежного вознаграждения за военные успехи. Эффективность боевой работы оценивалась в рублях. Уничтожение вражеской боевой техники, эвакуация и ремонт своей — всё имело свою рублевую цену.

Разумеется, это ни в коем случае не означает, что денежное вознаграждение играло какую-то заметную роль в стремлении бойцов и командиров Красной Армии защищать Родину. Патриотизм и готовность погибнуть в бою на рубли не пересчитаешь. Но, тем не менее, руководство СССР наряду с моральным поощрением и воспитанием патриотизма не забывало и о материальном стимуле.

До выхода в свет первого издания «Цены Победы в рублях» этот вопрос еще никем подробно не рассматривался. И прошедшие годы ничего принципиально не изменили. Можно встретить только отдельные упоминания о денежных выплатах советским военным как в исследованиях по военной истории, так и в мемуарах ветеранов. А сколько-нибудь цельная картина денежных взаимоотношений в Советском Союзе (в том числе и на его оккупированных территориях) во время Великой Отечественной войны, а особенно в Красной Армии, вообще еще не создавалась.

Понятно, что в советское время эта тема могла считаться просто неуместной по отношению к Великой Отечественной войне. Ныне внимание и исследователей, и читателей привлекают другие темы, прежде всего ход важнейших сражений, возможности их, так сказать, переиграть. Так называемая «альтернативная» история

в сознании многих, чересчур ею увлекающихся, персон начинает просто вытеснять настоящую. Еще более заманчиво выглядит возможность обличить полководцев Великой Отечественной. Особенно, естественно, достается крупнейшей исторической фигуре — Георгию Константиновичу Жукову. Чаще всего обличение строится по принципу — «Жуков тупо окружил японцев и бездарно уничтожил».

На таком фоне изучение военно-финансовых вопросов остается не слишком благодарным и привлекательным занятием. Отсюда и дефицит работ на эту тему.

В этой книге **впервые** рассматривается история формирования во время Великой Отечественной войны системы материального поощрения советских войск за боевые успехи. Надо отметить, что данная система начала внедряться в Красной Армии уже с лета 1941 года и, в первую очередь, в военно-воздушных силах. Понятно, почему процесс материального стимулирования за боевые успехи начался именно с ВВС. Война в воздухе складывалась летом 1941 года особенно трагически, даже на фоне того, что творилось на земле. И боевые успехи, которых все же добивались советские летчики в такой ситуации, выглядели особенно ценными. Конечно, вряд ли Сталин рассчитывал переломить ход воздушной войны, введя «сдельную» оплату для летчиков, а затем и наземного технического персонала. Но и пренебрегать фактором материального стимулирования он не стал.

А вслед за летчиками денежными премиями стали поощрять и сухопутные войска — артиллеристов, танкистов, пехотинцев. Но если в ВВС платили за успехи в различных видах боевой деятельности, то в сухопутных войсках «расчетной» единицей стало уничтожение вражеского танка.

Но сами по себе суммы, которые выплачивались отличившимся воинам, ничего не скажут современному читателю. Необходимо их с чем-то сравнивать, чтобы оценить их реальную стоимость в ту эпоху. Кроме того, возникает вопрос о том, соблюдался ли приказ о денежных выплатах в военное время. Поэтому в данной книге собраны сведения о штатно-должностных окладах командного состава, о том, сколько получали снайперы, автоматчики и штрафники. Рассматривается вопрос о том, насколько

аккуратно выплачивались заслуженные фронтовиками деньги. Читатель сможет узнать о самом «высокооплачиваемом» бое в войне, о максимальных суммах, оказавшихся на сберегательных книжках офицеров к концу боевых действий.

И, конечно же, невозможно оценить истинную цену премиальных выплат за боевые успехи, не зная того, что на них можно было купить. Поэтому в книге приводятся цены, сложившиеся в тылу. Разумеется, в разные периоды войны и в разных регионах страны они существенно различались.

Еще раз повторю, к сожалению, до сих пор в отечественной историографии как-то не принято было рассматривать финансовые вопросы эпохи Великой Отечественной войны. Поэтому круг использованных монографий оказался несколько ограниченным. Зато очень широко использовались первоисточники — приказы народного комиссара обороны и его заместителей периода Великой Отечественной войны, опубликованные в сборнике «Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР» за 22 июня 1941 г. — 1945 г. Вторым основным источником сведений стали мемуары людей, переживших войну — как на фронте, так и в тылу, и в оккупации. Помимо напечатанных воспоминаний, неоценимую помощь в подготовке книги оказали материалы интернет-сайта «Я помню» (также содержащего воспоминания о войне). Автор хочет выразить особую благодарность создателям данного сайта, поскольку они помогли и до сих пор помогают (сайт постоянно пополняется новыми материалами) сохранить уникальный пласт народной военной истории — какой война и жизнь во время войны были в восприятии обычных людей, как фронтовиков, так и гражданского населения.

Следует отметить еще одно интернет-достижение последних лет, которым автор счел возможным широко воспользоваться при подготовке данной книги, — это электронные библиотеки. Последнее время в Интернете помимо библиотек, включающих в себя в основном художественные произведения, появляются и специализированные, посвященные определенным темам. Особенно в этом плане хочется выделить высокопрофессиональный сайт-библиотеку «Военная литература», отличающийся как

широчайшим выбором представленных там произведений по военной тематике, так и прекрасно разработанной системой поиска. Автор широко привлекал размещенные на данном сайте труды, особенно мемуары, часть которых была опубликована только в Интернете. К сожалению, поэтому автор не всегда в ссылках может, помимо названия книги, указывать и страницы цитирования.

Помимо этого, автор считает допустимым использование и художественных произведений, основанных на личном опыте автора, современника и участника описываемых событий. В новом издании расширен круг использованных ранее источников, добавлены несколько новых «военно-финансовых» сюжетов.

Может быть, кто-то возразит: уместно ли исчислять подвиги, героизм и жертвы Великой Отечественной войны в денежном эквиваленте? Такая постановка вопроса казалась раньше и кажется сейчас несвоевременной. Дескать, как это можно воинский подвиг рублем измерять...

Конечно же, нельзя, ни в коем случае. Конечно, не о грядущей премии думал пилот, отправляющийся на боевой вылет, или артиллерийский наводчик, видящий в прицеле немецкий танк. Под неприятельским огнем обычно приходят другие мысли.

Но поскольку премии за боевые успехи существовали в ту эпоху (да и гражданское население без денег или их эквивалента не смогло бы существовать), они — часть истории, которая нуждается в изучении. Разумеется, предлагаемая читателю книга «Цена Победы в рублях» не даст ответов на все «военно-финансовые» вопросы, связанные с Великой Отечественной войной. Но, надеюсь, данный труд сформирует некое представление о них. Тема эта, как и почти все военные темы, — необъятна. «Рублевая» грань войны — тоже ее неотъемлемая часть.

Если читатель, перевернув последнюю страницу этой книги, признает, что узнал нечто новое, ранее ему неизвестное, — значит, автору удалось выполнить намеченную задачу. Может быть, кто-то из будущих историков, которому еще предстоит выбор темы своих исследований, прочитав «Цену Победы в рублях», захочет сам заняться изучением финансовых тайн Великой Отечественной?

**СКОЛЬКО СТОИТ
ПОБОМБИТЬ БЕРЛИН?**

Первым из нормативных документов Великой Отечественной войны, в котором речь шла о денежном вознаграждении за военный успех, стал приказ о поощрении участников бомбардировки Берлина, который нарком обороны, Иосиф Сталин, подписал 8 августа 1941 года.

В нем было сказано:

«В ночь с 7 на 8 августа группа самолетов Балтийского флота произвела разведывательный полет в Германию и бомбила город Берлин.

5 самолетов сбросили бомбы над центром Берлина, а остальные на предместья города.

Объявляю благодарность личному составу самолетов, участвовавших в полете.

Вхожу с ходатайством в Президиум Верховного Совета СССР о награждении отличившихся.

*Выдать каждому члену экипажа, участвовавшему в полете, по **2 тысячи рублей.***

*Впредь установить, что каждому члену экипажа, сбросившему бомбы на Берлин, выдавать по **2 тысячи рублей.***

Приказ объявить экипажам самолетов, участвовавших в первой бомбежке Берлина, и всему личному составу 81-й авиадивизии дальнего действия.

Народный комиссар обороны И. СТАЛИН»¹.

---

¹ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. — 1942 г. Т. 13 (2–2). М.: ТЕРРА, 1997. С. 47–48.

Впоследствии с «уравниловкой», когда одинаковая сумма вручалась каждому члену экипажа самолета, бомбившего Берлин, было покончено.

Согласно приказу наркома обороны от 26 марта 1943 года командир корабля, штурман и борттехник за каждую успешно выполненную бомбардировку политического центра (столицы) противника получал денежную награду в размере все тех же **2000 рублей**, а остальные члены экипажа — в размере **1000 рублей** каждый. Таким образом, остальные члены экипажа — стрелки-радисты и воздушные стрелки — стали получать вдвое меньше. Но зато к Берлину в материальном отношении были приравнены Будапешт, Бухарест и Хельсинки, которые время от времени бомбила советская авиация.

Летом безрадостного 1941 года желание Сталина наградить участников успешного воздушного рейда на вражескую столицу не только орденами вполне понятно. Эти летчики в тот трагический период стали любимцами армии и народа. Трудно переоценить ободряющее психологическое воздействие этих налетов в период почти непрерывного отступления советских войск. Все еще не так плохо — ведь наша авиация бомбит Берлин.

Хотя дислокация авиачастей, участвовавших в бомбежках Берлина, была строжайшей военной тайной, местное население, живущее поблизости от аэродромов, как водится, прекрасно знало «берлинских» летчиков и всячески демонстрировало им свои симпатии.

Вот как об этом вспоминал один из современников:

«У инвалида махорку покупали немногие, и он между делом организовал игру в «веревочку»; лихо метал шнурок, набрасывая три петельки и предлагая желающим угадать, какая из трех затянется на пальце. Если петелька затягивалась, инвалид платил махоркой, если соскальзывала с пальца — а это случалось чаще, — требовал деньги. Мы часто приходили понаблюдать за игрой, стараясь разгадать ее секреты.

Однажды, прервав игру, инвалид указал грязным пальцем на летчиков, покупавших у одной из трех баб-мумий топленку, и с гордостью сказал:

— Смотри туда, хлопцы! Вон те ребята Берлин бомбят!

В поселке поговаривали, что на аэродроме базируется соединение тяжелых дальних бомбардировщиков, которые взлетают ночью и уходят куда-то далеко за реку. Собирая сухие сучья и шишки вместо дров, с опушки леса мы часто видели идущие на посадку четырёхмоторные бомбардировщики. Это были Пе-8. Но то, что именно они летают на Берлин, никто из нас не знал. Только после войны, когда работал уже секретарем горкома ВЛКСМ и меня однажды пригласили в городской Дом культуры на встречу ветеранов, я и узнал, что в то время в поселке базировалось соединение, созданное по приказу Ставки в марте 1942 года с целевым назначением — полеты на фашистский Берлин.

А в тот слякотный октябрьский день трое молодых ребят, одетых в одинаковые меховые регланы с капюшонами, спокойно пили топленое молоко. Когда они проходили мимо нас, инвалид вдруг закричал хриплым, срывающимся голосом:

— Бей их, гадов! Бей их, сволочей, за мои ноги!

Один из летчиков обернулся, и я запомнил его: красивое, чуть овальное лицо, карие глаза и пышные черные усы. Роста небольшого, стройный, с мягкой пружинистой походкой. Он ничего не сказал инвалиду, только посмотрел как-то особенно пристально и, мне показалось, едва улыбнулся»¹...

Надо заметить, что летчики авиации дальнего действия прекрасно понимали значение налетов на Берлин и то, как по-особому

¹ *Муштаев В.П. Вижу Берлин!: Повесть-хроника. М.: Молодая гвардия, 1979.*

к ним относятся окружающие. Герой Советского Союза летчик Борис Тихомолов написал в воспоминаниях:

«Радиодиктор Юрий Левитан, которого Гитлер посулил повесить, как только немецкий сапог ступит в Москву, торжественно вещает всему миру: «Большая группа наших самолетов бомбардировала военно-промышленные объекты Берлина, Кенигсберга, Данцига, Штеттина...».

Мы, летчики, все экипажи, все, кто в данный момент находились в части, собирались возле репродуктора и слушали в строгом молчании. Да, это о нас, о нашей работе, о наших делах. Мы понимали: сейчас это сообщение Совинформбюро слушает вся страна. Слушают женщины-работницы, недавние домохозяйки, с потемневшими от металла пальцами и почти такими же от недоедания и недосыпания лицами, заменившие у станков мужей, готовящие оружие и боеприпасы для фронта. Колхозницы, одни в обезлюдевших деревнях кормящие армию и город, сами впрягающиеся в плуги, чтобы пахать землю, потому что лошадей почти не стало. Они слушали эту сводку, и на душе у них становилось легче: значит, не только фашисты бомбят наших, но наши им тоже дают... И пехотинцам, артиллеристам, саперам — всем родам наземных войск, испытавшим на себе удары «юнкерсов» и «мессершмиттов», им тоже становилось веселее, и крепла вера в нашу конечную победу. Да и у самих летчиков АДД — авиации дальнего действия — распрямлялись плечи: нет, ничто не проходит бесследно, и наши жертвы тоже. Пусть не спят по ночам и трясутся от страха немецкие бюргеры. Пусть их гансы и фрицы на передовой получают из дома тревожные вести»¹.

¹ Тихомолов Б.Е. Небо в огне. Краснодар: Книжное издательство, 1972.

Летчикам, совершавшим налеты на вражескую столицу, прощали многое из того, что не простили бы другим. Вот как встретили на земле после налета на Берлин в 1942 году экипаж Тихомолова. В нарушение приказа, категорически запрещавшего посадку в Москве, объявленной запретной зоной, Тихомолов по техническим причинам посадил свой самолет на центральном московском аэродроме:

«Самолет приволокли на стоянку. Именно приволокли. Крупный осколок снаряда вклинился в тормозной диск колеса да так и застрял в нем. Выпали из-под крыльев светящиеся рваными дырами посадочные щитки. Из-под раскромсанных капотов черной блестящей струей текло на землю масло.

С красной повязкой на рукаве из служебного здания вышел дежурный. Еще издали крикнул:

— Кто вас сюда звал? Вы что, не знаете, что здесь запретная зона?!

Подбежал, козырнул официально, явно собираясь ругаться, но, взглянув на машину, обмяк:

— Где это вас так?

— Над Берлином.

— О-о-о!.. — В глазах испуг и уважение. — Тогда другое дело! — Снова козырнул. — Извините, пойду доложу. — И, придерживая рукой кобуру пистолета, убежал.

— Ишь ты, он доложит, — проворчал штурман, доставая из кармана портсигар. — А пригласить нас в помещение не дотумкал.

Я взглянул на Евсеева. Лицо прозрачное, зеленое, под глазами черные круги. Подошли Заяц с Китнюком. Тоже — видик...

Зяц усталым движением потер ладонями лицо, сказал смущенно:

— Не смотрите так, товарищ командир, вы тоже не лучше выглядите. Дать вам зеркальце?

— Нет, Заяц, не надо. Не хочу разочаровываться.

Только сейчас я ощутил в себе страшную усталость. Это была не та усталость, при которой человек, получив возможность отдохнуть, падает, проваливается в блаженное ничто. Это была совсем другая усталость, когда каждая клетка тела, отравленная, нокаутированная — взлетом, спадом, жизнью, смертью, — немеет и, теряя чувствительность ко всему, вдруг начинает постепенно возвращаться к жизни. И возвращение это несет с собой такую вездесущую и опустошающую боль, что порой кажется — уж лучше умереть бы!

Были бы мы сейчас в полку, оглушили бы себя перед завтраком (или перед ужином?) добрым стаканом водки — к ней я уже не испытываю прежнего отвращения, — добрались бы кое-как до своих коек и умерли бы на несколько часов. Но это в полку, а здесь... Действительно, почему этот дежурный капитан не пригласил нас в помещение?

Подавляя в себе уже знакомое мне растущее чувство беспричинного гнева, я полез на машину, вынул из кабины парашют и лег на крыле, положив парашют под голову.

Но лежать было неудобно. Меня раздражало серое небо, смешанные с дымом облака, приземистое здание аэродромной службы, скрип железного флюгера на старинном шпиле. В голове позванивало: треньк! треньк! треньк! А изнутри на черепную коробку что-то давило, причиняя тошнотворную боль.

Черт знает что! Долго мы будем находиться так, в полной неизвестности?

На крыло, пыхтя, взобрался Евсеев. Лег рядом, пахнув на меня табачным перегаром.

— И как мы долетели, командир, ума не приложу! В правом моторе все кишки перемешались. Масляный бак разбит. Генератор вдребезги.

— Черт с ним, с генератором!.. — меня мутило. — Важно, что мы целы и сидим... в запретной зоне.

— Вот и плохо, что в зоне. В приказе расписывался? Расписывался, а сам же его и нарушил! Потянут нас с тобой к ответу.

Меня отпустило. Конечно, на время, на несколько секунд, но какие это были блаженные секунды! Мысль ясная, четкая, во всем теле легкость.

— Не потянут, — сказал я, все еще боясь открыть глаза. — Избитый вдрызг самолет из Берлина. За тридевять земель. Из фашистского царства, из гитлеровского государства. Что ты, Коля! — Мне снова стало дурно. — О, ч-черт, как я устал!

— Тихо! — сказал Евсеев, — Смотри.

Я открыл глаза. Рядом с самолетом стоял камуфлированный лимузин и какой-то коренастый полковник в очках, заложив руки в карманы распахнутой шинели, с задумчивой внимательностью смотрел на самолет. Потом нерешительно, словно боясь, что его окриknут, подошел к обвисшим посадочным щиткам и что-то вынул оттуда. Это был небольшой, длиной со спичку, с острыми рваными краями осколок зенитного снаряда. Покрутив им перед толстыми стеклами очков, полковник вынул из кармана кителя бумажник и положил в него находку.